

Сергей Прокопьев

12+

**НА СЛУЖБЕ БОГУ
И ПРОГРЕССУ**

Сергей ПРОКОПЬЕВ
На службе Богу и прогрессу

«ЛитРес: Самиздат»

2018

ПРОКОПЬЕВ С. Н.

На службе Богу и прогрессу / С. Н. ПРОКОПЬЕВ — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мы пережили интересное время в девяностых, когда священниками становились люди самых разных профессий. Профессора и каменщики, водители и предприниматели, учителя и полковники, люди, умудрённые жизненным опытом, круто меняли жизнь и становились иереями. Они строили церкви, создавали приходы, возрастали духовно сами и окормляли других. Герой данной повести сорок лет «служил прогрессу» – пенсию получил начальником отдела в проектном институте, занимавшемся вопросами автоматизации сложных промышленных систем. Затем, неожиданно для себя, стал священником. И двадцать лет честно служил Господу Богу.

© ПРОКОПЬЕВ С. Н., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Повесть	5
Завтра на страшный суд	7
В пропасть на «копейке»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Повесть Чайный гриб

Если бы я не знал, что у батюшки Александра через полгода будет юбилей – восемьдесят лет, не дал бы ему и семидесяти пяти. Невысокий, прямой в спине, седая густая борода, сочный голос, рука сильная. И весь словно гриб-боровик – плотный, крепкий.

Наша встреча, тот случай, когда всё происходит стремительно.

В воскресенье после литургии разговорился с одной из активисток нашего прихода и узнал о батюшке Александре. Чем сразу заинтересовал меня – много-много лет работал инженером, конструктором. Я, что называется, сделал стойку – мы с ним коллеги. Не откладывая в долгий ящик, звоню общему знакомому и вскоре получаю эсэмэску с номером телефона отца Александра. Набираю номер и напрашиваюсь в гости...

Омск насчитывает миллион жителей, но город маленький. С батюшкой на первых минутах разговора находим общих знакомых. Я работал в конструкторском бюро производственного объединения «Полёт» с Борисом Иосифовичем Пенцаком, отец Александр в шестидесятые годы прошлого века, будучи студентом авиатехникума, учился у него. Кроме того, я хорошо знал начальника батюшки по мирской жизни – Григория Павловича Павленко, руководителя научно-производственного объединения «Промышленная автоматика». Даже редактировал книгу его мемуаров. Книгу интересную, хорошо написанную. Павленко было что вспомнить, военным инженером участвовал в первых пусках знаменитой и по сей день непревзойдённой по ряду параметров «семёрки» – ракеты Р-7, созданной под руководством великого ракетостроителя Сергея Павловича Королёва. Ракета «Союз» и её модификации – основа пилотируемой космонавтики Советского Союза и России – созданы на основе Р-7. Служил Павленко офицером на Байконуре, а четвёртого октября 1957 года был среди тех, кто обеспечивал пуск первого советского спутника. В Бога Павленко не верил. Но как специалист по системам управления не мог не задуматься об устройстве мироздания, не мог безоговорочно согласиться с выводами материалистов: всё вокруг течёт само по себе. Планеты волей случая спеклись из вселенской пыли и закрутились вокруг Солнца.

А жизнь на земле завелась ни больше, ни меньше, как от сырости. Григорий Павлович, мысля категориями теории управления, говорил, что Великий координатор, управляющий вселенским процессом, конечно, должен быть.

Нашли общих знакомых с батюшкой Александром и в церковной среде.

– Любопытствуете, – спросил батюшка, – как ваш коллега по инженерии дошёл до жизни иерейской?

Конечно, любопытствую.

– Родители приехали в Сибирь из Белоруссии в 1928 году, – начал удовлетворять моё любопытство батюшка. – Тогда тоже было переселение из центральных областей в Сибирь. С организацией колхоза отца выбрали председателем. А потом начали укорять, иконы дома держит. У нас была в одной комнате в красном углу Божья Матерь «Владимирская», в другой – первоверховные апостолы Пётр и Павел. Снимать образа отец не стал, сложил с себя полномочия председателя и перешёл в машинно-тракторную станцию, с техником умел общаться. В 1941 году вызрел хороший урожай зерновых. Отец на комбайне работал. Когда урожай собрали, призвали его на фронт. Воевал в противотанковой артиллерии. В 1942 году летом пропал без вести под Ростовом-на-Дону, это уже после войны узнали. Всю войну мать надеялась. Отца не помню. Последним, кто видел его живым, был сосед из Красной Горки. Он в сорок втором ехал в воинском эшелоне, на станции остановились водой да углем заправиться, рядом на путях ещё один эшелон, солдаты у вагонов курят. Крикнул: кто из Омска? Отозвался

мой отец. Мама одна нас пятерых поднимала. Я с восьми лет работал на каникулах в колхозе. На поливе – водовозом, на покосе – на конных граблях... Мама умерла на девяносто втором году, три года не дожила до того, как я стал иереем. Порадовалась бы, конечно... В последние годы приглашал к ней священника домой...

Мы живо беседуем с батюшкой. Технику, на которой он работал в колхозе, прекрасно представляю. Водовозка с большой деревянной бочкой, лежащей на боку. Можно сказать – бочка на колёсах. Заезжаешь прямо в реку и наливаешь воду ведром. Пока наливаешь – конь напьётся. А потом он тяжело поднимается по дороге, идущей от реки вверх по крутому склону. На конных граблях с высокими железными колёсами приходилось и мне работать. Они снабжены дырчатым металлическим сиденьем, с которого ты правишь конём, при этом время от времени дёргаешь рычаг, опускаешь на короткое время грабли, затем поднимаешь, оставляя позади себя ещё один валок пахучего сена. Луг от края и до края покрывается валками. А твоё воображение уже рисует зарод сена, который скоро возвысится в центре луга, завершит собой покосную страду.

В один момент батюшка прерывает рассказ, спрашивает, не хочу ли я отведать чайного гриба.

– С удовольствием, – отвечаю я.

– Полезный, – протягивает мне матушка Зоя бокал с напитком.

– Чем? – не могу не спросить.

– Для желудочно-кишечного тракта. Моя мама одно время маялась желудком. Ей посоветовали гриб. Не стала, как мы, в банке разводить. Взяла ведро эмалированное. Гриб вырос по диаметру ведра. Здоровущий... Пила как чай, как воду. Пишут, надо за сорок минут до еды. Она не соблюдала. И вылечилась.

У матушки с батюшкой на кухне три банки с грибом. В одной созревший, готовый к употреблению. Во второй – доходит до кондиции, в третьей – только-только залит.

– А вы в существование души верите? – вдруг спрашивает матушка.

Я отвечаю утвердительно.

– Тогда послушайте, что я вам расскажу.

Батюшка пытается её осадить: ты, мол, долго рассказываешь. Но у матушки своё мнение по данному вопросу. Я её поддерживаю, говоря, что никуда не тороплюсь.

Слушаю матушку, потом батюшку, снова матушку, снова батюшку...

И мотаю на ус...

Завтра на страшный суд Рассказ матушки

Мама была человеком верующим. Отец – нет. Жили на Тарской. Угол Тарской и Фрунзе. Отличный двухэтажный деревянный дом. Красивые наличники, как игрушечка стоял. Его снесли всего-то лет двадцать назад. На его месте построили здание компании «Сибнефть», сейчас «Газпром». Точно такой дом стоял напротив нашего, на другой стороне улицы, его убрали совсем недавно, в прошлом году. Одно время пустовал, больно было смотреть, проходя мимо, окна с побитыми стёклами, жалкий, обветшалый. Жильцы ушли – дом умер.

Крестовоздвиженский собор в пяти минутах ходьбы. Стоишь в створе улицы, и вот он перед тобой, кресты горят на солнце. Мысленно перекрещуся, бывало. Мама открыто ходила в церковь. С отцом они венчаны. Оба из Саргатского района. В каком селе венчались, не знаю, было это в тридцать четвёртом году. Старший брат родился в Саргатском районе, я и две сестры – в Магадане. Отец служил в органах НКВД, КГБ, был отправлен в Магадан. В пятидесятые годы вернулись в Омск. И стали жить на Тарской. После свадьбы мы с мужем, теперь батюшкой Александром, несколько месяцев жили вместе с ними, потом ушли на квартиру на Северные улицы.

Это случилось через год, как мы ушли. Отец вернулся с работы, крепко выпивши, не знаю, что побудило его, видимо, раньше спорили с мамой – есть Бог или нет, а тут он расхрабрился, схватил икону, ту самую, которую дали им в храме при венчании, и выбросил в окно. Иконы мама не прятала, стояли на виду, на этажерке. Спас, Пресвятая Богородица, Владимирская, Никола Угодник. Папа мирился с этим, а тут схватил Спаса:

– Вот тебе, богомолка, – зло распахнул окно и выбросил образ. – Сколько говорил – убери с глаз долой!

Жили на втором этаже, под окнами большой палисадник. Мама ухаживала за ним и тётя Зина с первого этажа. Стоял сентябрь, в палисаднике цвели хризантемы, три больших георгины, мамина гордость. Мама побежала вниз за иконой и не нашла. В сентябре темнеет рано. Поискала, поискала в неярком свете, что шёл из окон, не нашла и отложила поиски на утро.

Ночь не спала, рано утром, лишь забрезжил рассвет, снова пошла в палисадник, иконы не обнаружила.

Отцу было пятьдесят восемь лет, никогда не болел. Тут плохо и плохо... В одну больницу положили... Анализы, исследования – не могут поставить диагноз, перевели во вторую... Там тоже понять не могут – от какой болезни лечить. В заключение о смерти (у меня хранится) написано «хронический гастрит». Так и не определили точное заболевание, через полгода умер.

Перед его смертью вижу сон. Иду со стороны Иртыша по Тарской, вижу окно, из которого папа выбросил икону, а под ним папа в палисаднике копает яму. В форменных брюках, белая фланелевая нижняя рубашка в брюки заправлена, в сапогах.

Подхожу к палисаднику, встаю вплотную к забору, рукой берусь за штакетину и спрашиваю:

– Папа, что ты делаешь?

Он говорит:

– Вот и выкопал себе яму.

Проснулась, нехорошо на душе. Маме не стала рассказывать сон. Отец уже совсем плохой был, через две недели, первого марта, умер.

В тот год в самом начале сентября мы с мужем и дочерью отправились в Хосту отдыхать. Дочь ещё в школе не училась. Дикарями поехали. С путёвками было сложно. Мы сняли квар-

тиру, однокомнатная в пятиэтажном доме. Чисто, хорошо, и пляж рядом. А море – сказка! Бархатный сезон, погода солнечная, вода изумительная. Заселились и пошли купаться. Дочь в восторге, всё лето ждала моря, всё спрашивала: когда поедem, когда?

Вернулись, поужинали, пора спать, муж наплавался, сразу уснул, дочь тоже. Ко мне сон не идёт, хоть ты что делай, не хочу спать. Разница с Омском на три часа, у нас глубокая ночь, а у меня ни в одном глазу. На кухне посидела, книжку почитала... Нет, думаю, надо ложиться...

Легла, глаза закрыла, потом открываю, на пороге комнаты мужчина. Ясно его вижу. Сердце испугом обдало. Кто такой? Не может быть, я входную дверь закрыла. У мужа в крови не закрывать входную дверь. Перед сном всегда проверяю – заперта или нет. Смотрю на мужчину, а в голове: я ведь точно помню – закрыла замок, значит, мираж. Зажмуриваю глаза и снова открываю. Не совсем распахиваю – приоткрываю. Мужчина как стоял, так и стоит. Среднего роста, плотный, тёмно-синие брюки, рубашка в клеточку – мелкая клеточка, белая с коричневым. Круглолицый, лысый, волосы с левого виска на лысину зачёсаны, прикрывают её. Наклоняется низко-низко над кроватью дочери, потом – над нашей, я у стены лежала, посмотрел, выпрямился и говорит, итог подводит осмотру:

– Вот уже и подселила.

Думаю: да кто это такой?

Не сказать, панически испугалась, лежу в оцепенении и жду, что дальше-то будет?

Вдруг слышу папин голос, чётко-чётко:

– Ладно, пусть. Это мои.

Голос у папы был с лёгкой хрипотцой. Он из-за спины этого человека раздался. Самого папу не видела, один голос.

Затем незнакомый человек, как облачко, растворился.

Вот тут я испытала страх. Что это было? Что? Всю ночь не спала. Утром муж проснулся, дочь ещё спала, мы на кухне сели пить чай, я ему давай рассказывать...

– Ты, дорогая, слишком впечатлительная, – начал меня успокаивать. –

Вчера перевозбудилась: долгий перелёт, новое место, смена часовых поясов... Сегодня отдохнём, поплаваем, подышим морским воздухом, и всё будет хорошо.

Дочь проснулась, покормили её и на весь день ушли. Купались, загорали, гуляли.

Вечером возвращаемся, перед подъездом на лавочке сидит хозяйка нашей квартиры.

– Специально вас жду, – поднялась навстречу, – узнать, как отдохнули?

Я, не скрывая, говорю:

– Плохо. Всю ночь не спала.

Она обеспокоенно посмотрела на меня. Хорошая женщина, мы и на следующий год приезжали к ней. Списались загодя...

– Что случилось? – спрашивает. – Почему не спали?

Начинаю подробно рассказывать про визит мужчины. И вдруг ей становится плохо, мгновенно кровь от лица отхлынула, побледнела и хлоп в обморок.

Муж еле успел подхватить.

Потом говорил:

– Хорошо, худенькая, шпалой повалилась, еле удержал.

Хозяйка быстро пришла в себя:

– Это мой муж был, он так похоронен: в тёмно-синих брюках, в такой рубашке. Купила рубашку, ещё здоровый был, ни разу не надевал при жизни. Да – круглолицый, среднего роста. Да – волосы на лысину зачёсывал. Не хотел быть лысым. После его смерти старушки наказывали мне: до сорока дней, пока душа летает, никого не пускай в вашу квартиру, ты заселишь квартирантов, душа прилетит, а там чужие.

Хозяйке нужны были деньги, чтобы поминки на сорок дней устроить мужу, на похороны издержалась, потому нас пустила.

Мы поднялись в квартиру, она достала фотографию из ящика серванта, молча подаёт, у меня мурашки по коже: этого мужчину я видела ночью.

Такая история. Я себя успокаивала: это Господь меня укрепляет в вере, а мужа вразумляет: есть у человека душа, есть жизнь после смерти, есть Господь Бог.

Батюшку много лет потихонечку обрабатывала: живёшь без Бога, некрещёный, не молишься – это неправильно. Он не сопротивлялся. Вопрос «есть Бог или нет» жил в нём. Потому и папу спросил именно об этом. Получилось так. Папа на сороковой день после смерти приснился мужу. Он спрашивает:

– Отец, а Бог есть?

Звал папу отцом, тому нравилось. Папа помолчал, исподлобья посмотрел, взгляд был такой, каким смотрел, когда о чём-то напряжённо думал. Посмотрел и говорит:

– А завтра иду к Нему на страшный суд.

В пропасть на «копейке» Рассказ бабушки

В декабре отправили меня в командировку в Ташкент. В Омске в декабре зима без скидок – снег толстым слоем, мороз, в Узбекистане тоже зима, но узбекская – днём под солнцем тает, ночью под луной замерзает...

В командировку наладили в срочном порядке, по принципу: пять минут на сборы, так как надо было ехать вчера. В нашем научно-производственном объединении в семидесятые годы прошлого века разработали и начали внедрять «Зелёную волну» – автоматизированную систему управления дорожным движением. Такого явления, как автомобильные пробки, тогда Омск не знал, да и в Москве ничего подобно не наблюдалось. Зато нередкой была картина – на перекрёстке выстроилась под светофором вереница машин, при этом перпендикулярная дорога пуста, но тебе тупо горит «красный» – жди. «Зелёная волна» в автоматическом режиме регулировала работу светофоров. Если ты с потоком машин попадал в «волну», на каждом светофоре горел тебе «зелёный». Мы внедряли систему в разных городах. В Ташкенте проходил семинар по данной теме. Кто-то из замов директора собирался поехать, узбекского плова поесть, других восточных деликатесов отведать, но не срослось, послали меня в авральном порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.